

Владимир Набоков

Владимир Набоков (1899-1977) – замечательный русский писатель, поэт, переводчик и одарённый энтомолог, открывший несколько новых видов бабочек.

Владимир Владимирович Набоков родился в Петербурге на Большой Морской улице, 47, в семье аристократов Елены Рукавишниковой и Владимира Дмитриевича Набокова.

Набоковы относились к состоятельному стародворянскому роду. Отец будущего писателя был юристом, членом Государственной думы от партии кадетов, а впоследствии работал во Временном правительстве. Мать Владимира происходила из богатого рода золотопромышленников.

Все четверо детей у Набоковых получили превосходное домашнее образование и свободно разговаривали на трёх языках (русском, английском и французском). Сам писатель не раз говорил, что первоначально был обучен английской грамоте, а уж потом родной.

Литературная биография Набокова уникальна по-своему. Ему пришлось дважды доказывать свой талант: первый раз – в эмиграции, завоеывая своё «место под солнцем» новой русской прозы, а второй – в Америке, стремясь запечатлеть своё имя в истории англоязычной литературы.

В 1916 году умер родной дядя Набокова по материнской линии. Юный Владимир, ещё находясь в стенах Тенишевского училища, неожиданно стал богатым наследником. В его распоряжение перешло поместье Рождествено и очень крупная сумма денег. В этот же год на личные средства он издал свою первую книгу, состоящую целиком из стихотворений собственного сочинения. Как оказалось впоследствии, это было первое и единственное издание произведений русского писателя и поэта в России.

Сразу после Октябрьской революции семья решила незамедлительно переехать в Крым. В Ялте стихи Набокова впервые оказались на страницах периодической печати. Однако уже весной 1919 года Набоковы спешно покидают полуостров и отправляются в далёкую Германию.

Затем Набоков поступил в Кембриджский университет в Англии. Во время учёбы в университете он продолжил писать стихи и занялся переводом книги Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес».

В 1922 году в семье Набоковых произошла страшная трагедия: во время покушения отец Набокова заслонил собой Милюкова и был убит. Владимир спешно покинул колледж и переехал в Берлин. Теперь он стал единственным кормильцем большого семейства.

Он брался за любую работу: не раз составлял для газет шахматные партии, давал частные уроки английского, печатался в периодических изданиях Берлина. В 1926 году он дописал свой первый роман «Машенька». Первый, но не последний. Изучая краткую биографию Набокова Владимира, следует запомнить, что сразу после «дебюта» последовали ещё семь крупных произведений. Они выходили в свет под псевдонимом «Владимир Сирин» и пользовались небывалым успехом.

В Германии в 1933 году к власти пришли национал-социалисты во главе с Адольфом Гитлером. Незамедлительно развернулась антисемитская компания, в результате которой выгнали с работы Веру Слоним – жену Набокова. Семья была вынуждена покинуть Берлин и бежать в Америку.

Но и на новом месте «беглецов» ждали новые проблемы: завоевание Америки и репутации серьёзного писателя. С этого момента он «оставил русский слог» и перешёл на английский. Исключениями явились автобиографическое произведение «Другие берега».

В 1960 году известный писатель переехал в Швейцарию. Там он жил и работал до конца своих дней.

У Набокова была огромная коллекция бабочек: около 4000 видов, 20 из которых были открыты им самим.

ПЕТЕРБУРГ

Мне чудится в Рождественское утро мой лёгкий, мой воздушный Петербург... Я странствую по набережной... Солнце взошло туманной розой. Пухлым слоем снег тянется по выпуклым перилам. И рысаки под сетками цветными проносятся, как сказочные птицы; а вдалеке, за ширью снежной, тают в лазури сизой розовые струи над кровлями: как призрак золотистый, мерцает крепость (в полдень бухнет пушка: сперва дымок, потом раскат звенящий); и на снегу зелёной бирюзой горят квадраты вырезанных льдин.

Приземистый вагончик тёмно-синий, пером скользя по проволоке тонкой, через Неву пушистую по рельсам игрушечным бежит себе, а рядом расчищенная искрится дорожка меж ёлочек, повоткнутых в сугробы: бывало, сядешь в кресло на сосновых полозьях, - парень в жёлтых рукавицах за спинку хватъ, - и вот по голубому гудящему ледку толкает, крепко отбрасывая ноги, косо ставя ножи коньков, верёвкой кое-как прикрученные к валенкам, тупые, такие же, как в пушкинские зимы...

Я странствую по городу родному, по улицам таинственно-широким, гляжу с мостов на белые каналы, на пристани и рыбные садки. Катки, катки, - на Мойке, на Фонтанке, в юсуповском серебряном раю: кто учится, смешно раскинув руки, кто плавные описывает дуги, -

и бегуны в рейтузах шерстяных гоняются по кругу, перегнувшись, сжав за спиной футляр от этих длинных коньков своих, сверкающих как бритвы, по звучному лоснящемуся льду.

А в городском саду - моём любимом - между Невой и дымчатым собором, сияющие, лёгкие виденья сквозных ветвей склоняются над снегом, над будками, над каменным верблюдом Пржевальского, над скованным бассейном, - и дети с гор катаются, гремят, ложась ничком на бархатные санки.

Я помню всё: Сенат охряный, тумбы и цепи их чугунные вокруг седой скалы, откуда рвётся в небо крутой восторг зеленоватой бронзы. А там, вдали, над сетью серебристой, над кружевами дивными деревьев - там величаво плавает в лазури морозом очарованный Исакий: воздушный луч на куполе туманном, подёрнутые инеем колонны...

Мой девственный, мой призрачный!.. Навеки в душе моей, как чудо, сохранится твой лёгкий лик, твой воздух несравненный, твои сады, и дали, и каналы, твоя зима, высокая, как сон о стройности нездешней... Ты растаял, ты отлетел, а я влачу виденья в иных краях, - на площадях зеркальных, на палубах скользящих... Трудно мне...

Но иногда во сне я слышу звуки далёкие, я слышу, как в раю о Петербурге Пушкин ясноглазый беседует с другим поэтом, поздно пришедшим в мир и скорбно отошедшим, любившим город свой непостижимый рыдающей и реющей любовью.

И слышу я, как Пушкин вспоминает все мелочи крылатые, оттенки и отзвуки: "Я помню, - говорит, - летучий снег, и Летний Сад, и лепет Олениной... Я помню, как, женатый, я возвращался с медленных балов в карете дребезжащей по Мильонной, и радуги по стеклам проходили, но, веришь ли, всего живее помню тот лёгкий мост, где встретил я Данзаса в январский день, пред самую дуэлью..."

<1923>

